

Александр Уличный

Том 3

Москва–2012

Разное

УДК 82#1
ББК 84#5
У489

Под редакцией Натальи Федоровны Мухановой

*Автор выражает благодарность
полковнику Петру Васильевичу Борисовскому,
подполковнику Валерию Михайловичу Кузнецову,
подполковнику Дмитрию Ивановичу Плешакову,
Виктору Борисовичу Дерюгину и другим
за помощь в издании книги*

Уличный А.

У489 Разное. Т. 3.—М.: Граница, 2012. —136 с.

УДК 82#1
ББК 84#5

© Уличный А., 2012

© Издательская группа «Граница», 2012

Неведомое

Неведомое, ты страшишь нас, манишь:

Хотим и боимся у тебе подойти.

Таинством своим сердца наши ранишь,

Подходим к тебе, осторожны шаги.

Касаясь тебя, мы всегда насторожены.

Не знаем, что пишется в книге судьбы,

Быть может, расстанемся мы по-хорошему,

Быть может, накличем немало беды.

И беды на нас со всей силой обрушатся,

Как кара на предков за съеденный плод.

Не знал бы тебя, может было бы лучше

Нет, лучше унять, и неважен исход.

19.02.1970 г.,

Звенигород, в/г Ягунино

* * *

Словно ручей устремился в долину

Липовый лес, шелестя и звеня.

В гору шагаю тропинкой предлинной.

Ветви сомкнулись, обняли меня.

Лучики солнца порхают по листьям,

Гладят пернатых, ласкают жучков.

Все наяву, ничего мне не снится,

Да и до «Дружбы» всего пять шагов.

Здесь вижу я ее начало
Уходят трубы в голубую даль,
Здесь нефть из недр Земли качают.
Она бежит к нашим друзьям.
4.06.1970 г.,
Альметьевск

* * *

Облака в синеве небес.
Наблюдаю дальнюю даль.
Что вы видите на земле?
Я прошу Вас все мне передать,
Что вы слышите?
Слышите — ветер поет?
Только потише
Продолжайте полет.
Расскажите о счастье восхода,
О неведомой силе земли,
Расскажите, как первые восходы
На планете родимой взошли.
июнь 1970 г.,
Альметьевск

Дружба
За нефтевышкой факел-флаг
Рубином на ветру играет.
Подарок получай, страна.
Открыта жила «золотая».
Мы это «золото» рекой
В твои отправим закрома.
Река, бурлива и черна,
Бежит в закрытых берегах.
Здесь «Дружбы» дом, и здесь ее начало
Отсюда «золото» бежит, журча.
Друзей немало,
Страна, в борьбе ты обрела.
Своим добром ты делишься с друзьями.
Так бескорыстно и добра лишь ты.
И видя коммунизма дали,
Уже за нашими рядами
Шагают новые ряды.
июнь 1970 г.,
Альметьевск

Зимой о зиме
Зима, иль осень? Может быть весна?
Прошло над миром теплое дыханье
Все недовольны, все удивлены
Январь стоит. Когда зима настанет?
Ударит утренний мороз,
Снежинки хоровод затеят,
В час ночи, когда все уснет,
Тишь сна разбудит шум метели.
В морозный вечер дымный столб
Поднимется до звезд небесных,
И лунный свет простой сугроб
Сияньем красочным засветит.
Деревья, повинувшись моде
И гласу царственной зимы,

В снега одевшись по природе,
Ждать будут томно дней весны.
Поля безбрежностью своей,
В безмолвье белом захлебнулись
Заснут в тепле до лучших дней,
Весенних дней, чтоб вновь проснуться.

Да, видно русская зима
Утратила былую силу.
Когда вернуться времена
С зимой похожую на зиму?
22.01.1971 г.,
Рублево

Январская весна
За каплей капля с крыш домов
Срывается и, повинясь тяготенью,
Звеня, врезается в сугроб,
Как в настоящий день весенний.
Стоит январь, а воробьи,
Собравшись утром в хороводе,
Песнь радостную завели —
Песнь вечной матушке-природе.
Весна приподняла полог,
От времени скрывавшей время.
Рукою теплой ветерок
К нам послала, и он, повеяв,
Принес Атлантики тепло,
Дыханье старого Гольфстрима.
Из-за завесы облаков
Вниз смотрит солнце горделиво
На мир, оживший ото сна,
На радостный, на мир звенящий,
Пусть преждевременна весна,
Доволен каждый ее ждавший.

Смотрю подолгу на закат,
На замшу красок, света блики.
И я, скажу вам, очень рад
Видеть холсты картин великих.
январь 1971 г.,
Рублево

* * *

Мелькают годы —
Вехи нашей жизни.
Добро и зло,
И радость, и беда
Сменяясь, исчезают,
А седины,
Окрасив нас,
Останутся всегда.
январь 1971 г.

Утро
Рассвет...
В морозной синеве
Стволы деревьев полусонные

Склонились к матушке-земле,
Встречают новый день поклонами.
Кроваво-красный солнца диск,
Простившись с дымным горизонтом,
Взмыл вверх, на запад покатил,
Купаясь в воздухе морозном.
Природа, встретив новый день,
В мгновение вся преобразилась.
По снегу скачет воробей,
Куда-то люди заспешили
Все оживленнее вокруг,
Детишки с папой или с мамой
Тихонько за руку идут,
Платком укутаны с носами.
Оставив мысли ровных строй,
Ушанку, воротник поправив,
Спешу к автобусу тропой...
Я не один в игре без правил.
16.02.1971 г.,
Рублево

* * *

Луна спешила отдохнуть,
Светить она устала.
Скорей бы скрыться и уснуть
Все про себя мечтала.
Все торопила небосвод,
Скорей, скорей возвращайся,
Просила звездный хоровод
С землею распрощаться.
Но звезды немые и глухие,
Ее не понимая,
Мерцали, словно светляки
Над спящими домами.
февраль 1971 г.,
Рублево

* * *

Да будут весны,
Будут зимы,
И леденящая тоска,
Души стремительной порывы
И ожиданья,
Как всегда,
Охватят разум, душу, тело.
И сердце, трепетно стуча...
От радости запело
С прилетом первого грача.
18.03.1971 г.,
Рублево

* * *

Облака над землей расправляются,
Словно парус тугой корабля,
И наш шарик быстрее вращается,
В бесконечность уходит земля.
Все быстрее летят дни и ночи,
И в былое уходят года.
И сегодня хочется очень,

В детство хочется, как никогда.
апрель 1971 г.,
Рублево

* * *

Один встречаю я восход,
Любуюсь красками над горизонтом,
И взглядом глажу небосвод,
Ловлю тепло, что дарит солнце.
Минута таинства,
Минута дня рожденья.
Волнуюсь, не дышу,
Присутствием боюсь
Нарушить то великое мгновенье,
Которым с вами я делюсь...
Алеют краски,
Пламенеют дали,
Природа просыпается, звеня,
Взлетели птицы,
Не прощаясь
Вдаль полетели, гомоня.
1971 г.,
Рублево

Прощанье
Птиц караван отправился на юг,
Прощальным криком, оглашая дали,
Высь рассекая, свой последний круг,
Вершат над местностью, с которой улетали.
И скрылись в темно-серой пелене,
В тоске, оставив белые березы,
Которые остались на земле
И с желтою листвою роняли слезы.
октябрь 1971 г.,
Рублево

Строитель
Свобода нежною рукой
Меня за плечи обнимает:
«Ты исцелился, милый мой,
Теперь вперед.
Там созидает
Твой друг и брат, рабочий человек.
Кирпичек к кирпичу он воздвигает
Высотный дом, что возвеличит век».
январь 1972 г.,
Рублево

* * *

Час безысходный расставанья.
Нет расставаний, нет и встреч,
Но прелесть нашего свиданья
Клянусь навечно я сберечь.
В глазах нет слез...
Грусть и тоска
Терзают раненую душу,
И чья-то хладная рука

Меня то гладит, а то душит.
июнь 1972 г.,
Рублево

* * *

Рассвет идет неслышными шагами,
Снам улыбается ближайший лес.
Поля своими нежными руками
Коснулись трепетных волос небес.
Слилось все воедино, синь рыдает.
Куда-то уплывает Млечный путь,
Дорогой к горизонту провожая,
Он дружески рукою мне махнул.
август 1972 г.,
Величково

* * *

Ты ушла, это знаю
И грущу без тебя.
Мои волосы гладят
Твои тополя.
Звезды прощальная улыбка
И тихий вскрик больной души.
Прости последнюю ошибку,
Чтоб впредь ее не повторил,
Твои луга, твои просторы
На миг дарили мне покой,
Односельчан немые взоры
Судьбы вершили приговор.
Мне б навсегда остаться здесь,
На Родионовских полях,
Чтоб к небу полетела весть
О предоконных тополях
сентябрь 1972 г.,
Родионово

* * *

Не надо, не ругай меня,
Дай приклонить свои колени.
Ты слышишь: плачут тополя,
Предчувствуя наш день последний.
Прошу же: отвори окно,
Сойди ступенями крутыми.
Не смей смеяться, суждено
Пройти путями мне лесными.
И к жизни возвратиться вновь,
Сняв ветхие лохмотья с тела,
За стол сесть, выпить за любовь,
Чтобы продолжить жизни дело.
сентябрь 1972 г.,
Величково

* * *

О что я, мученик печали,
Ищу к тебе хорошую тропу,
Люблю все те же голубые дали
И рощу средь тумана на бугру.

В тумане ты сама купаешься
И ловишь красную зарю,
И сини небу улыбаешься,
Я в стороне. Я на тебя смотрю.
октябрь 1972 г.,
Величково

* * *

Небо тебя нежно укрывает
Белым одеялом, и зима
Колыбельную тихонько напевает.
Утопаешь ты в виденьях сладких сна.
октябрь 1972 г.,
Торопец

* * *

Березок дальний шум,
Осеннее дыханье,
Созвучье новых дум
В моем существованье —
Слилось все воедино,
Как мне их разделить?
В уме перебираю,
Единства не забыв.
октябрь 1972 г.,
Родионово

* * *

Где же ты, наш верховный судья?
Прекрати этот бег необузданный,
Ты же знаешь — всегда мечтал я
Хоть глазком заглянуть в нашу будущность.
октябрь 1972 г.,
Родионово

* * *

Ласковый шепот березок,
Нежный наклон головы,
Ожили на просторах
Вольные волны травы.
Манят раздолья радужные,
Дальнее пение птиц,
Голос природы послушай,
Наверняка загрустишь.
1972 г.,
Рублево

Местность ушедшего лета
За окном снег и ветер,
Лохмотья черных туч.
Местность ушедшего лета
Не позволяет уснуть.
Минувшие картины,
Солнца палящий луч —
В памяти нашей едина
Их разобщенная суть.

Курантов бой. Мы в путь готовы.
В купе уложен инструмент
Прощальное столице слово —
Весьма торжественный момент.
Гудок. Дежурный, наконец,
Жезл поднял, поезд отправляя,
Желая добрых перемен.
Смеясь, девчонка боевая
Рукой махнула нам вослед.
Огней Москвы сияющее море,
Бесшумное блужданье волн,
Встающее над городским простором,
Примите отъезжающих поклон.

Под громкий Спасской башни звон
Чуть слышен звон прощального бокала,
Что поднимаю, светлых мыслей полн,
И голову склоняю неустанно.
Вам этот дружеский поклон.
Прощальный взгляд огням вокзала,
Проспекту Мира, всей Москве.
Вот телебашня пробежала
С серпом Луны на шишаке,
Простилась, скрылась вдалеке.
Огней Москвы сияющее море.
Прощаюсь, мы уходим в лета дни
Вернусь, заметками дорожными наполнен,
И с вами поделюсь, Огни Москвы,
Наш поезд мчит, глотая километры,
Упорно рассекая мрак и тьму.
Дорогу уступая, ропщут ветры
И среди кустов к земле холодной льнут.
Оглядываясь, сразу не поймут,
Не разберутся в нашем быстром беге,
Что разрывает ночи тишину,
Бросая вызов царствующей неге.

Не останавливаясь, прямо на ходу,
Отыскивая добрые пути приметы
И среди скопления звезд свою звезду,
Что ярче и нежнее светит.
19.12.1972 г.,
поезд Москва — Великие Луки

Встреча

1

«Л. Собинов» готовится к отправке
Последние минуты у причала.
Но что такое?
Почему задержка?
В очках девчонка мимо пробежала
И скрылась в трюме.
Наши там места.
Юна девчонка и чиста...
В коротком синеньком плаще
И в серых брюках.
На лице
Улыбка радости и счастья.
Наш путь открыт,

И нет ненастью.
Во взгляде что-то говорит,
А мама в стороне стоит
И смотрит на меня с улыбкой.
Прости, родной мой человек,
Но вот она —
Моя судьба,
Мне это сердце подсказало
Корабль отходит от причала.

2

Наш путь открыт,
Вода чиста,
Идем смотреть свои места.
И встретили девчонку в трюме.
Знакомимся...
И слышится при этом шуме: —
«Наташа,
Еду с вашей мамой.
В купе соседнем вы и сами».
На палубу выходим мы вдвоем:
«А там, в Алешкине — мой дом,
Живем в квартире —
Папа, мама, братья
Их трое у меня
И есть сестра.
По матери она родня».
Наш «Собинов» проходит под мостом
МКАД — кольцевой дороги
И он гудком
Приветствует Московские пороги.

3

Идем вперед водой спокойной,
Нам шлюзы двери растворили
В канал Москвы вошли достойно
И к Волге-матушке поплыли.

Земля родная Подмосковья,
Тебе пришлось
Так много испытать.
Валили здесь за ратью рать,
Но ты была побед достойна
И ликовала звоном колокольным
С радушием, с весельем полным.

4

Подходим к Дмитрову.
Стоим мы наверху,
Как капитаны, мерим расстоянья.
Вы разгадали жизнь мою,
Топограф я.
От вашего вниманья
Не скрылось это...
Смеркается,
Горят везде огни,
Встречает Рыбинское «море»
Легкой качкой.
Под звездным пологом Луны
Мы говорим о расставанье.
А завтра новый день —
День радостный и необычный.
И мы придем под эту сень
В настрое преотличном.
май 1973 г.,

* * *

Отходит от Московского причала
«Л. Собинов» — летучий теплоход.
Там по корме девчонка пробежала,
Машины сразу дали полный ход.
И понеслись куда-то перелески,
Деревни топают вослед.
Наш теплоход довольно резко
Уходит по реке в далекий рейд.
Мост над рекой,
А далее канал
До Волги тянется рукой,
Связав реки две, как канат.
Лестницей шлюзов к Волге взбираемся,
Водовороты кругом,
Камеры водой заполняются
Выйдем и дальше пойдем.
Идем вдоль Дмитровской гряды,
В округе сопки и увалы,
Участки сада, ровные ряды,
Как часовые в караулы встали.
Канал, как будто улица —
Огни буксиров, катера,

Девчонка та такая умница,
Мы познакомились вчера.
Ночь, мы забрались на солярий.
С утра мы загораем здесь.
Люд молодой и даже старый
Под солнцем жарится день весь.
Наташа — программист,
Заочница — студентка ВЗИ.
«Вы видимо, геодезист»
Мне говорит она, взор опустивши.
А в небе звезды — светляки
Путь освещают,
Береговые маяки
Вдаль приглашают
июнь 1973 г.,
Рублево

Возвращение
Вечер плечи расправляет,
Зажигает свод небес,
Ласково звезда мигает,
Манит вдаль, в страну чудес.
Распростившись с этим краем,
Взяв на память горсть земли,
Мы уверенно шагаем
И скрываемся вдали.
Земли обойдя чужие,
Оттоптав подошвы ног,
Возвращаемся иными
Под родимый отчий кров:
Нет его полей красивей,
Рек, озер, лугов, лесов.
Нет на свете терпеливей
Славных русских мужиков.

Не стремись бежать отсюда,
Не ищи в чужих краях,
Что находится под срубом,
В предоконных тополях.
23.11.1974 г.
Рублево

Расставанье
Вечер тихий, закат багряный,
Нескончаемый жизни круг,
Вьются ласточки над Рязанью,
Воздух полон мотивом разлук.
Недалеко то грустное время,
Понесутся в чужие края,
По дороге друзей хороня,
Понесут свое тяжкое бремя.
Нас оставят они в ожиданье
Средь ворон, воробьев, голубей
В ожидании часа свиданья,
Светлых, теплых и радостных дней.
август 1978 г.,
Рязань

* * *

Луч солнца, сини покрывало,
Стрижей стремительный полет.
Так утро над Рязанью занималось,
С которого вновь начался отсчет.
Писать,
Писать...
Мозг лихорадят строфы,
Строка к строке слагаются в стихи
И если они
Правильны
И ровны,
Ты не ленись, поэт,
Пиши.
3.08.1978 г.,
Рязань

Истина
В Москве я в думах о Рязани,
В Рязани в мыслях о Москве,
И в этом новом состоянье
Приходит истина ко мне.
Ищу тебя, зову тебя
Средь ночи и средь бела дня.
Тобой живу, тебе молюсь
И только потерять боюсь
Надежду встретиться с тобой,
А без тебя сон и покой.
Ее не слышу тихий голос,
Она парит, к себе маня,
В чертогах тайну хороня,
В нас пробуждает к жизни голод.
Дороги, дальние пути,
Порой бывает так жестоки.
Да, мы поэты одиноки,
Но жизнь положено пройти,
Открыть заветные истоки
Во имя вечного пути.

7.08.1978 г.,
Рязань

Пилигримы

Птицы, пилигримы вечные,
Вы летите к заветным краям
И, над землю паря,
Врываетесь в бесконечное.
Вы вернетесь, уверен в этом,
Не забыть родового гнезда,
Через год, с наступающим летом
На мгновенье вернетесь сюда.
Так летите же, вечные странники,
Над простором лесов и полей.
Только помните, вы не изгнанники
В кратковременной жизни своей.

7.08.1978 г.,
Рязань

* * *

Дождь окатил с небес Гор. рощу,
Давно затеял бег поток,
И под дождем деревья ропщут —
Ненастный выдался годок.
Не видели тепла и света,
Дождь до конца с начала лета,
Что за бесовский океан,
А, может, он не в меру пьян?
И в этом пагубном дурмане,
Не помня равенства начал
Все открывает душа краны,
Забыв совсем, что утром рано
Дорогу солнышко не дал.

7.08.1978 г.,
Рязань

* * *

С природой слившись воедино
В тиши осенних дивных снов,
Ты, правдой жизни одержимый,
Готов припасть к ногам берез,
Холодно-нежными руками
Лаская милые тела,
Признаться им, как будто маме,
Как мало а нас еще тепла.
Чего-то ждем, молчим, таимся,
Удачи ищем для себя,
Назад к березонькам стремимся,
Которые нас ждут любя.

21.11.1978 г.,
Рублево

* * *

Тихо падает снежок,
Ели поседали,
Затуманился восток,
Окна запотели.

Наконец, зима пришла
Тихими шагами.
Все тропинки замела,
Крыши над домами.
Ветер вьюгу закружил
Над Москвой-рекою,
Покуражился, остыл
И уж стороною
Пролетает, веселясь,
Над озябшими смеясь.
25.11.1978 г.,
Рублево

Утро

Поселок спит. Иду к Москве-реке.
Спешу меж кленов по аллее парка,
К воде спускаюсь по крутой тропе,
Легко дышу, пока совсем не жарко.
Встречаю солнце над рекой,
Ловлю лучи, наполненные светом,
Помахиваю весело рукой.
Жить хорошо в подзвездном мире этом.
Поселок спит, сегодня выходной.
А мне не спится, вся душа играет.
Легко здесь дышится над пенною волной...
С веселым криком чайка пролетает
И исчезает в серой пелене.
Душа томится, полная печали.
Я остаюсь с волной наедине:
«Зачем ты, милая, куда-то улетаешь?
Не улетай, родная, в тишину.
Сорви завесу скорбного молчанья,
Сквозь тучи покажи Луну
В обличи необычайном.
17.07.1983 г.,
Рублево

* * *

Вызрел,
Багрянцем оделся восток,
Вызрело,
Яблоко — солнце,
Выплыло к миру.
Соседний лесок
Ласково смотрит в оконце,
Птицы проснулись
На юг подались,
Ветер ласкает им перья
Белый туман поднялся от земли,
И в его тайны поверил я,
В тайны рожденного нового дня...
Мы разгадаем секреты
Может быть, позже,
Ты или я,
Может, зимой, а не летом.
7.08.1983 г.,
Рублево

Предзимье

Курлычат мне прощально журавли,
На юго-запад клином улетаю,
Не так давно вы поднялись с земли,
Поселок вас печально провожает.
За вами вслед мчит темный полог туч,
Вы пролетели тихо Одинцово.
За вами мчит и легок, и могуч,
Окутывая спящее Рублево,
Посланец севера, предвестник зимних дней.
Я слышу его хладное дыханье.
Природа, ожидает гостей
С заснеженной вершины мироздания.
В мгновение вихрь обнял меня
Завьюжил, закружил, заснежил,
Махнул березам, вдаль маня,
Помчал за клином в мир безбрежный.
22.10.1983 г.,
Рублево

Экология

Снуют в Москве автомобили
Туда — сюда, туда — сюда.
И мы, купаясь в синем дыме,
Бредем неведомо куда.
А в Черновцах лысеют дети,
Какой-то таллий в том виной.
От радиации на свете
Мы умираем на планете...
Давай, друг, шлепнем по одной.
Поговорим, еще повторим,
Обычай римский воскресив,
Об экологии поспорим —
Моднейший нынешний мотив.
Не потекли обратно реки,
Куда-то отступил Арал,
О «бедном» русском человеке
Поговорим, немало он страдал.
23.11.3.1988 г.,
Рублево

* * *

День траура — Армения в беде.
Междуусобицы забыты.
Спешат республики к тебе
Спасать людей, что временем сокрыты.
Ленинакан, Кировокан, Спитак,
Сейчас печальна участь ваша,
Остаться вам одним нельзя никак,
Нужна сегодня помощь наша.
Россия — старшая сестра,
Она в беде твоей поможет.
Так только верные друзья
Светить, себя сжигая, могут.
Воскреснешь, зацветут сады,
Восстанут города из пепла.
К могилам дорогим — цветы,
А вам цвести из лета в лето.
10.12.1988 г.,
Рублево

Год Змеи
Часы на Спасской бьют двенадцать.
Страна вступает в Новый Год.
Поменьше слов, к чему роптать нам,
У нас ведь дел невпроворот.
Смелее братья за работу,
Раз перестройка началась.
О качестве наша забота
Ежесекундно, каждый час.
Календари страны Востока
Год называют — год змеи,
Не по велению пророка
Становимся мудрее мы.
Вниманье нужно человеку,
И он отдаст себя стократ
Итог хороший года, века —
Разоружается солдат.
Живи, Земля, под мирным небом,
Цвети, Земля, как вешний сад.
Насущного в достатке хлеба
И счастья детства для ребят.

Срывая прошлого оковы,
Свободно плечи развернув,
Вступаем смело в год мы новый.
Вперед, друзья, счастливый путь!
24.12.1988 г.,
Рублево

* * *

Шумят осенние дожди,
Залютовала непогода.
А я прошу тебя, приди,
Прошу приди к закату года.
Мы все обсудим не спеша.
Вопросов много накопилось,
Куда-то тянется душа,
Скажи куда?
Скажи на милость.
Куда идти,
Куда стремиться?..
И, выбрав истины пути,
Она порхнет как будто птица.
Умчится в голую даль
Найдя родимые чертоги.
Умчится грусть,
Уйдет печаль
Струны души ты лишь не трогай.
25.12.1988 г.,
Рублево

* * *

В моих руках отбойный молоток
Вот пласт угля,
Который выдал я
На ленточный конвейер,
На поток.
Прораб кричит: «Давай, робя, давай
Побольше угля русскому народу,
Но заповедь не забывай —

Как честь храните
Матушку-природу!»
30.06.1989 г.,
Рублево

«Фрагмент» (стенка)
Ореха цвета чуть светлее.
Собирай, коли сумеешь.
Если сам не соберешь,
То умельцев позовешь.
И цена совсем простая —
Полтораста, это знаю.
За два дня собрали с Натой,
Хоть не обошлось без мата.
Поднимали вчетвером: —
Баба Клава, Ната, Надя
И конечно один дядя,
И теперь стоит «Фрагмент»
Будто добрый монумент.
18.07.1989 г.,
Рублево

Фатима
Пол моет Фатима-татарка
В работе вся она, в трудах.
Порой ее бывает жалко,
Не говоря уж о деньгах.
Вокруг магазина и в магазине
Она метет и моет пол,
Профессия не модна ныне,
Не то что теннис и футбол.
Но кто-то должен,
должен,
должен
Все убирать и мыть полы,
Грязна работа, непристижна,
Пристижней забивать голы.
Цените люди труд Фатимы,
И будьте люди покультурней:
Сорить не надо, нет причины,
Для мусора у нас есть урны.
Она ведь вежлива со всеми.
Смеется, песенки заводит,
Точна, ведь ей подвластно время,
С метлой танцует, словно в хороводе.

На фартуке не даром носит
Медаль за труд, ударника значок,
Коль люди не оценят...
После похвалит Бог
И все он ей зачтет.
19.07.1989 г.,
Рублево

В. В. С.
Любил ты магию цифирь,
На них ведь держится наш мир.
Две 25 и 42
Склоняется в печали голова.

Число начала и число конца,
Но не было его.
Конец — начало
Восхожденья твоего
Когда-то в яркой песне прозвучало.
Вопрос извечный
«Быть или не быть?»
Ты смело и правдиво разрешил,
Ты был,
Ты есть,
Ты светишь,
Как светил,
А голос твой хрипящий
Нас будил
И возвращал нас в мир
Бурлящий...
Любил ты магию цифир.
25.07.1989 г.,
Рублево

* * *

Уж девять лет, как нет тебя
Средь нас,
Но как всегда,
Хрипящий голос смел.
Средь нас,
Как и тогда,
Твоя душа,
Герои твоих песенных новелл.
Они с тобой в сражении идут
И, одержимые, штурмуют небо,
И песни твои в мир несут
Твои полпреды.
Звени гитара, голос доносись
До душ людей, которых ты воспел,
Зови их в горы, в голубую высь,
Веди туда, куда вести хотел.

* * *

Простые русские слова,
Но так уж варит голова,
Что сами они в ряд встают
Стихи и песни создают
И в целом мире их поют,
Забавно, что не устают.
27.07.1989 г.,
Рублево

Оплошность
Я попал на карандаш
Командиру в первый раз.
Отделения начальник,
По натуре не молчальник,
Пожурил и дал совет:
«Раньше — плохо, позже — нет.
Опоздай минут на двадцать,
Коли в том твоя судьба,
Помолчи, не пререкайся,
А не то тебе — труба».
«Извините, закружило
Чувство стадное меня».
А Тамара, наша милость,

Улыбается, маня.
Впредь начальству обещаю:
«Без команды не рискну,
Инцидент этот — случайный,
Старт к обеду по звонку».
28.07.1989 г.
редакционно-издательский отдел (РИО)

* * *

Лист опадает,
Землю устилает,
Ковровую дорожку ткет.
Луна, приветливо мигая,
По млечному пути бредет.
Нахлынул вдруг мотив осенний,
Навеял о предзимье сны.
Мы верим — день то не последний,
Придут на смену дни весны.
9.09.1989 г.,
Абрамцево

С. А. Е.
Терпкий запах опавшей листвы,
Увяданье, мой друг, увяданье
Не любил дни осенние ты,
Предвещали они расставанье.
Знай, Сергей, твой вернется апрель
Голубой, ясно-звонкий, веселый.
И тебе все расскажет капель,
Все расскажет, шутя и серьезно
16.09.1989 г.,
Рублево

Баламут
Называют пускай баламутом,
Да, я буду болота мутить,
Чтобы нечисти в нем было жутко,
Чтоб спокойно не смела там жить,
Чтобы воды покинули вешние
И убрались из нашего края,
Чтоб вздохнули и жители здешние,
Их из жизни своей изгоняя.
20.09.1989 г.,
Рублево

Бегство
Давидовичи, Абрамовичи Союз покидают,
Бегут словно крысы с борта корабля
Россия не тонет — мы видим и знаем,
А просто трудна так сегодня вода.
Волна нас качает, трещат переборки,
Поплыли «ичи» в золотые края...
Покинули Родину, нет, не родная
Для этих людей ты, Россия моя.
Скорее стремятся добраться до штатов,
Успеть ухватить испеченный пирог,
Земле обетованной нужны солдаты:
«Не ступим ногой мы на отчий порог.
Мы мирные люди, нам жизнь — наслажденье,

Нам дороги очень и души, и плоть,
Ну а России за наше ученье
Заплатит, сколь надо, наш вечный Господь».
4.10.1989 г.,
РИО

Встреча
Нам тридцать два и тридцать пять
Верна и та, и эта дата,
Я пару слов хочу сказать,
Послушайте меня ребята.
Мы вновь за праздничным столом.
Кто лыс, кто сед, кто без зубов
В рюмашки водочки нальем
Ведь каждый к этому готов.
Нырнем в реку воспоминаний,
Мы вновь на Красного Курсанта
Здесь вместе набирались знаний,
Блуждали тропами по картам.
Отцы родные — командиры —
Стоят ранжиром перед взглядом,
Блестят погоня, а мундиры
Поглажены, как пред парадом.
Вот Боровичские высотки,
Бурлит под ними речка Мста,
Давайте-ка еще по стопке,
Родные вспомним те места.

Поднимем за ушедших стопку,
Нележки жизни сей пути,
Как бы шаги ни были робки,
Нам надо должное пройти.
Первопрестольная свела нас вновь,
И большинство уж на гражданке,
Давайте стопку за любовь —
Подруги с нами на гулянке...
Я завершаю речь свою,
Расстаться с вами нелегко,
Сейчас ребята запоют
Подтянет дружное КО.
А завтра снова будем ждать
Мгновенья радостные встречи
Эй, Старшина, налей опять
И выпьем вновь за этот вечер.
Так расстаемся мы, друзья,
До осени другого года
34-му — УРА!
Пусть будет летною погода
13.09.1993 г.,
РИО

* * *

В начале улицы Гастелло на мосту
Лежал пьянчуга, согреваясь о мечту,
Собака подошла, его лизнула
И тут же ноги протянула.
28.10.1993 г.,
РИО

* * *

Здороваясь с начальством, он вставал
И спину гнул в угодливом поклоне.
А если ты никто, он зад не поднимал
И чувствовал себя звездой на небосклоне.
9.11.1993 г.,
РИО

Последний день
Декабрь — последнее число,
Смотрите, скоро и двенадцать.
Все тротуары занесло,
Со старым надо распрощаться.
Тревожен год был Петуха,
Его мы будем вспоминать,
Собака — друг, она близка,
Спешит, чтоб на защиту встать.
Год может изменить все вдруг —
Поднимутся с коленей россияне
И разорвется чертов круг,
И мир для всей страны настанет.
Вы слышите год новый, он в пути.
На Спасский бьют колокола.
Не будет боль петух нести.
Он горя дал вчера сполна.
Собака, милое создание,
Людей от горя защитит.
Об этом просим Мирозданье
Оно нам светит на пути.
31.12.5.1993 г.,
РИО

Россиянка
Милая Россиянка!
Счастье ты наше и свет.
Чудесна лицом и осанкой
Женщин прекраснее нет.
Ты за плугом шагала,
В люльке качала детей,
Все начинала сначала
И становилась сильней.
Дом отчий свой охраняла,
Пламенным был твой очаг
В работе, в борьбе уставала,
Но снова свой делала шаг.
Вот и сейчас ты шагаешь,
Ветер прической играет.
Что наперед загадаешь,
Выполнишь, ты это знаешь.
1.02.2.1994 г.,
РИО

* * *

Радость и беда —
Жизни спутники.
Радость и беда
Все опутали.
Вот бредут они
Стороной

Подожди, мой друг,
В тишине постой.
Не грусти,
К тебе подошла беда,
Радость вслед летит,
Было так всегда.
И умчится грусть,
Солнце выйдет вновь.
В этом жизни суть,
И придет любовь.
Только ты ее
Людам всем дари —
Счастье дальних звезд,
Всполохи зари.
1.02.1994 г.,
РИО

Тибет
На Пятницкой двадцать и тридцать четыре,
На Стартовой тридцать пять,
Щупальца кинул в Москве, по России
Новый «Тибет». Невозможно понять,
Как же соблазн мне теперь пересилить?
Неубранной улицей тихо бреду.
Люди спешат, и я вместе с ними
Бросил стесненья, вот уж бегу.
Тридцать четыре — вот этот офис,
Передо мною народа толпа,
Взглядом прошелся, тот молится, просит,
Ну а вот этот уж начал роптать.
Месяц, мол, ходит, и нету просвета,
Штук эдак сорок за вход заплати.
Люди собрались московского света.
Трудно к концерну сейчас подойти.
Трудно сегодня стоять на морозе,
Руки и ноги замерзли давно,
Кажется людям — почили все в бозе,
Но триста штук надо сдать все равно.

И вот тогда ожидай дивидендов,
Водочку пей, кофеек или чай,
Пользуйся, вкладчик, отличным моментом —
Коли рискнул, то деньгу получай.
8.02.1994 г.,
РИО

* * *

Нынче выдалась рано весна.
Птицы вновь завели свои трели
Я не сплю.
Мне весной не до сна,
Слышу, трели весенней свирели,
Убегают в звенящую даль.
Сам себе я теперь господин
На душе поселилась печаль —
Я свободен,
Но жаль, что один.
1.03.1995 г.,
РИО

* * *

Друзья мои! Мы снова вместе,
Тридцать четверки сбор очередной.
Нам с каждым годом интересней,
Разлить нас всех не смогут и водой.
Пускай сейчас мы лысы, седы,
Беззубы, сморщены чуть-чуть
По большей части уже деды,
Но тянет нас в далекий путь.
К весне в груди кипит, играет
Дороги доброе вино,
Глаз зелень почек отмечает,
Но юность в прошлом, и давно.
Судьба сводила нас и разводила,
Скучали в отдаленье друг от друга,
Но победила нашей дружбы сила,
И вот опять мы старым кругом
Сидим все вместе, аксакалы,
Ведем неспешные беседы.
Скажи, о жизни тем немало,
Придвинься же, сосед к соседу.

Взгляни в глаза — Нева и Питер,
Боровичи и речка Мста,
Москва — река, столица.
Поглядите на милые душе места.
Друзья! Взметнем дружной бокалы,
Желанная пришла пора.
На стол бутылки, разливалы,
34—му УРА!
19.04.1995 г.,
РИО

* * *

Белые рябины
Под моим окном.
Шапки «снеговые»
Окружили дом.
Сочна ныне зелень,
Травы и листва,
Закрывает темень
Их, иду в леса.
Топтаной тропинкой
Сквозь сосновый бор,
Будто невидимка,
Сквозь «тайги» простор.
Прохожу, взгляд в небо,
Вот луна видна,
Для поэта — тема
Хоть и не нова.
Резво гонит тучи
Прямо на восток
Вовсе не могучий
Ветер — ветерок.

Чудные картины
Разбрелись окрест.
Белые рябины
Красят темный лес.
Пронесется лето,
И костры рябин

Разрисуют цветом
Лес и не один.
23.05.1995 г.,
РИО

* * *

Ты так одет, я так одет,
Скажи мне, как ты видишь свет?
Берез Есенинских красу,
Которые живут в лесу,
И сосен строгих ровный строй,
Они везде всегда со мной.
Костров рябины яркий цвет,
Прекрасен ведь живой букет.
Мне виден гибкий стан осин
С листвою невиданный красы.
Ты видишь, как они одеты?
Вот в эту осень, а не летом.
Ты так одет, я так одет...
4.10.1995 г.,
РИО

* * *

Двадцать три — разыгрался мороз.
Ясны звезды.
Принакрыл иней косы берез,
Жертвы моды.
День прибавился на два часа
На работу иду — светло.
Наступила удач полоса,
Только где же тепло?
Снег играет своей белизной,
Не копят деловые заводы,
Перекинутся между собой
Чистым голосом милой природы.
И погрузятся в вечную дрему
Такова, видно, ваша судьба
В отпуск выгнали Ваньку, Ерему...
Сев весной, началась кутерьма.
Поднимай урожайность Земли,
Развивай поскорей Отчий Край,
Чтоб назад не пустыми пришли —
На руках принесли каравай.

Так дели его честно на всех,
Чтобы каждый из нас был бы сытым
Слышу громкий веселый я смех,
Смех народа, а не элиты.
8.02.1996 г.,
РИО

Декабрист
Декабрист расцвел — малиновы цветы
На зеленых держатся щитах...
Закачался царственный престол,
Страх и радость у народа на глазах.
Не без грусти вспоминаем мы
Прошлый век и день тот роковой,
На Сенатской у реки Невы

Завязался этот страшный бой.
Пал на землю Милорадович — герой Бородина,
Пулю Каховского сражен.
Пала на Исакий седина,
Выстрел... Дворец Зимний не разоружен...
Разбежались строгие каре,
Трупами усеян Невский лед...
Пятерых на рavelинах при заре
В Петропавловке оплакивал народ.
В Нерчинск — определен путь остальным,
И для солдат — штрафные роты...
А Декабрист расцвел. Малиновы цветы
Мне напомнили то время что-то.
4.01.1996 г.,
РИО

Новые мотивы
По-весеннему затинькали синички,
Дни последние почувствовав зимы.
Напилась бы курочка водички,
Вот тогда бы радовались мы.
Бурную весну то предвещает,
Солнце яркое и таянье снегов.
Ребятня кораблики пускает
С парусами выше берегов
Вот уж в землю побросали семя,
Урожай чтоб осенью собрать...
Забежал вперед, пока не время
Потому задача наша — ждать.
26.02.1996 г.,
РИО

* * *

Снег, ветер, дождь —
Дыхание Гольфстрима,
Кто может нам помочь?
В раскованном режиме.
Три «тыщи» до Атлантики,
До Африки «тыщ» семь
Вдохнуть кусочек Крыма
Нам было б веселей.
Далекая Антарктика,
Взметнувшаяся ввысь,
На солнышке ни пятнышка,
Ну не прекрасна ль жизнь?
Под вечер подморозило —
Асфальт — сплошной каток,
Меня на землю бросило
Я в том не одинок.
В ночь ветер не стихал,
Снежка подсыпало,
Морозец хохотал,
Предзимье выпало.

Но утром снег пропал,
Растаяла гора.
Снежинок где навал?
Вода, вода, с утра...
9.11.4.2000 г.,
Рублево

Причал

Повесть

«Бродяги мы
Задача нам — вперед.
И рвемся через сны
В крутой полет
С земли»

Д. Деревенский

1

С Сашей Бутлером, старшим инженером, и рабочим Пашей Нефедовым заканчиваем исполнительную съемку квартала номер семь Рязанского нефтеперегонного завода. Эту работу мы начинали в апреле-месяце этого года с Мишей Ставицким, опытным геодезистом и изыскателем, много лет проработавшим на НПЗ.

Собственно, полевые работы мы уже закончили, остались кое-какие камеральные работы. У нас есть в запасе пара дней.

Завтра четверг 24 июля — день рождения нашего рабочего Паши, который мы решили отменить вместе с окончанием полевых работ на этом объекте.

Настал торжественный день. Мы взяли провизию в магазине, расположенном рядом с общежитием, и пошли в нашу комнату. Только подошли к столу и сложили продовольствие, как влетает сосед из комнаты, расположенной рядом, и кричит: — «Москвичи! Бегите вниз к дежурному по общежитию. Вас вызывают по телефону из Москвы».

Мы с Сашей оставили Пашу сервировать стол, а сами пошли к дежурному. Звонил начальник отдела инженерно-технических изысканий. Он приказал срочно свернуть работы и выезжать в отдел. Я сказал, что работы закончены, и мы выезжаем утренней электричкой. В понедельник будем в отделе.

Вадим Петрович высказал одобрение по поводу окончания работ и повесил трубку.

Мы пошли на верх, где нас ждал Паша. Проходя мимо Красного уголка, мы слышали крики болельщиков, смотревших передачу XXII Олимпийских игр.

США и многие страны Запада бойкотировали их. Но это была победа — Олимпийские игры впервые проходили в социалистической стране.

По телевизору в Красном уголке нам удалось посмотреть церемонию открытия игр, насладиться красочным зрелищем.

2

Пришли мы на свой третий этаж, вошли в комнату и обомлели — стол сервирован. Паша заканчивает резать колбасу и делает бутерброды. Огурчики и сыр порезаны и лежат на тарелочках. — Эх, сейчас бы картошечки!», — воскликнули мы с Сашей. Но были неудобства с ее приготовлением. Ее не в чем было варить, не было кастрюли.

По утрам мы пили кофе или чай у себя в комнате или ходили завтракать в буфет на первом этаже. И тут были неудобства — много народа, так как все ехали на работу к восьми часам, и в семь в буфете было не протолкнуться. Приходилось долго ждать, а потом, как угорелым, бежать до трамвая, идущего до РНПЗ. Да еще ехать в до отказа переполненном вагоне.

Можно было жить в доме пожарной части рядом с заводом. Там у нас были две квартиры. Иногда, как сейчас, они пустовали, иногда заполнялись, когда был наплыв работников.

Мы предпочитали жить в общежитии в городе, так как

можно было погулять по городу, сходить в кино, в ресторан. И со столовыми здесь было посвободней.

До железнодорожного вокзала, откуда мы по пятницам ездили в Москву, тоже рукой подать.

Садилась в любой проходящий поезд, давали проводнику три рубля и ехали в купе до столицы.

А в воскресенье в восемнадцать часов на фирменном поезде «Березка» возвращались в Рязань.

3

Вернемся к нашему вечеру. Все было готово. Мы уселись за стол. Саша, как тамада, разлил содержимое пер-

вой бутылки по нашим чайным бокалам и произнес тост — за именинника, пожелал ему здоровья, долгих лет и удачи. Выпили по сто граммов, закусили. После обеда прошло часа четыре. Обедали в заводской столовой, так что бутерброды, которых было в достатке, шли хорошо, так же хорошо шли малосольные огурчики.

Саша предложил тост за родителей. Спросили у Паши, как зовут папу и маму. Николай Петрович и Евгения Михайловна. Мы знали из прежних разговоров, что Паша жил последнее время с мамой, и вот в шестьдесят три года она умирает. Папа погиб в начале Великой Отечественной войны в Риге, где был в командировке.

Выпили, не чокаясь, за родителей, закусили, и мы с Сашей закурили. Курили мы «Приму» фабрики Дукат. Паша не курит.

Мы ненавязчиво попросили Пашу рассказать о себе.

Он согласился и начал свой рассказ.

4

«Я окончил школу военных переводчиков в Ленинграде.

До этого жили в Москве. Пришла повестка из военкомата.

Я тогда учился на первом курсе МИСИ на Разгуляе. Время было тяжелое, холодная война. Поэтому вопрос призыва коснулся и меня.

Когда я прибыл в военкомат, мне предложили поступать в школу военных переводчиков. В средней школе я учил немецкий язык и отлично по нему успевал.

Я дал согласие. Мне сказали, что меня вызовут. Ждите, а пока продолжайте учебу в институте.

Придя домой, я рассказал все маме, у нас не было тайн друг от друга, тем более в военкомате сказали, что можно посоветоваться с родителями.

Через три месяца пришла повестка, я вызывался на сдачу экзаменов в Ленинград. В этом городе я не был и ехал туда с удовольствием.

Ехал в плацкартном вагоне. Рядом ехали двое ребят из Сухуми поступать в Ленинградское Краснознаменное военно-топографическое Училище. Как выяснилось, это училище располагается на Петроградской стороне рядом с моей школой».

5

Тамада предложил тост за новорожденного:

— Давайте выпьем тут,

На том свете не дадут,

А если там дадут

То выпьем там и выпьем тут! — продекламировал

Саша. — Паша, за тебя.

Выпили.

Паша продолжал свой рассказ.

«Окончил я школу и был направлен на службу в группу Советских войск в Германии. Там я служил военным пере-

водчиком и с различными делегациями объездил ГДР и ФРГ. Со службой было все нормально, но вот как-то в

одном «гастштете» в Берлине, я повздорил с одним немцем, который нелестно отзывался о нас, русских. Я пытался его урезонить. Но напрасно, меня он обозвал Russisches Schwein...

Я не выдержал и закатал ему кружкой в лоб. Не сильно, но кожу рассек. Он завопил, что хотели убить.

Откуда ни возьмись, появились полицейские.

Проверили документы и нас и свидетелей инцидента забрали в участок.

Пострадавшему оказали помощь, а насчет меня позволили в нашу военную комендатуру.

Минут через тридцать приезжает майор и забирает меня в комендатуру. Там, естественно сняли стружку и отправили в часть, она стояла недалеко от Берлина.

Дальше суд чести, лишение воинского звания, увольнение из армии и высылка в Союз в течении двадцати четырех часов.

6

Вот так я оказался в Союзе и не с лучшей характеристикой.

Начались мои скитания в поисках работы.

Да, кроме того, мама поменяла московскую квартиру на квартиру в Рязани, она до переезда в Москву жила здесь и вот «вернулась на «круги своя».

Я подумал, что работу в Рязани будет найти легче.

Побегать пришлось. В начале 1960-х годов произошло

сокращение в армии и бывшие офицеры заняли теплые места в отделах кадров и хозяйственных органах.

Пробить их, чтобы устроиться на работу, было довольно трудно.

Мама моя вышла на пенсию, она врач-терапевт.

Последнее время она увлеклась народной медициной, травами.

И она предложила мне собирать полезные травы и сдавать их в аптеки.

Летом мы бродили по лугам и весям в поисках лечебных трав, а зимой я брал на дом учеников и занимался с ними немецким языком.

Так бы все, вероятно, и шло своим чередом, но заболела мама, признали рак, и в прошлом году ее не стало.

Я живу на улице Федора Полетаева, это рядом с гостиницей РНПЗ, где вы останавливались, и узнал, что вам нужны рабочие, имеющие навыки топогеодезических работ.

В школе военных переводчиков нам читали курс «Топографии» и «Геодезии», и летом мы занимались практическими работами по этим предметам. Вот так я и пришел к вам. Вот, вроде, и весь мой рассказ.

— Думаю, что поработаю у вас, тем более, что работаете здесь вы круглогодично.

Мы сказали, что на работу в нашем отделе он может рассчитывать. Только вот могут быть перерывы такие, как намечается сейчас. Открывается новый срочный объект, и все силы бросаются туда. Закончатся работы на том объекте и вновь начнутся здесь, работы — непечатый край.

— Так что ты, Паша, можешь рассчитывать на работу в партии. Ты зарекомендовал себя с хорошей стороны. А прошлое надо забыть и не возвращаться к нему.

Конечно, сейчас ты мог бы быть в другом качестве. Но главное качество, ты — человек. А это звучит гордо и достойно.

Бутылки со спиртным были пусты. Мы пили пиво, которое по качеству похуже Бадаевского и, тем более, немецкого, которое Паша пил там, но и это мы пили с удовольствием. Пили и курили с Сашей.

7

Паша поинтересовался, почему Саша, окончив физический факультет Московского государственного университета и работая научным сотрудником в Московском геологоразведочном институте, оказался в изыскательской партии, ведь эта работа не для научного сотрудника, окончившего физфак МГУ.

Саша долго отмалчивался, а потом поведал свою историю.

Родился он в Москве в интеллигентной семье.

Проживали в Среднетишинском переулке рядом с Малой Грузинской улицей. Довольно прилично окончил школу, увлекся физикой. В школе был физический кружок, который Саша посещал и увлекся теорией физики твердого тела.

После окончания школы поступил на физический факультет МГУ, который окончил и был направлен в МГРИ.

Работал с удовольствием, так как работа нравилась. Все шло хорошо, даже светила аспирантура.

Но вот как бывает в жизни, встретил девушку. Как мы всегда считаем, что это именно то. Так посчитал и он.

Женился. Родился сын, прекрасный мальчик. Об аспирантуре пришлось забыть. Надо было кормить семью, оплачивать комнату.

На почве материального неблагополучия начались раздоры. Сыну было три года, он посещал садик.

Жена работала секретаршей в тресте Мосинжстрой механизация №3. Располагался он на улице Академика Павлова в Рабочем поселке. Ездить из Средне — Тишинского переулка, где они снимали комнату, было далеко. Но учитывая то, что в МИСМ — 3 обещали квартиру, она была вынуждена работать там.

8

Однажды случилось непоправимое. Проходя по улице Горького мимо ресторана «Арагви», он увидел жену за столиком. Она сидела с мужчиной кавказской наружности.

Когда жена заявила домой, это было позже обычного, Саша сказал, что все видел и не собирается ни в чем разбираться и уходит.

Она ничего не объясняла и не удерживала его, и он понял, что поступает правильно.

А дальше, сами понимаете, падение вниз. Запил.

Докатился до того, что на работе после ряда предупрежде-

ний предложили написать заявление по собственному желанию.

Это он и сделал и устроился сюда в отдел инженерно-технических изысканий на должность старшего инженера по определению местоположения подземных кабелей и трубопроводов радиоэлектронными приборами. Вот так он оказался здесь.

А теперь есть возможность устроиться в МГУ на физфак, и он думает пойти туда.

Темы разговоров были исчерпаны. Время позднее.

Вставать надо рано, чтобы потом успеть на электричку, отходящую в Москву.

Убрили все со стола, распрощались с Пашей, пожелав ему всего хорошего, и стали укладывать на ночлег.

9

Утром в шесть мы были уже на ногах, умылись, привели себя в порядок, позавтракали, подхватили рюкзаки и вышли из общежития. Солнце уже пару часов освещало землю, облаков не было, день обещал быть погожим. Добираемся до Гор. Рощи — района Рязани, садимся в троллейбус, и вот мы уже на вокзале. Электричка стоит, занимаем места, ждем отъезда. Несмотря на ограничение въезда в Москву в связи с Олимпиадой, народа многовато. Шум, гам, беготня, но вот электричка отправляется, и все успокаивается. Кто-то дремлет, кто-то ведет разговор; образовались партии в домино, карты, даже несмотря на

запреты на азартные игры. За этим строго следят наряды милиции, то и дело патрулирующие вагоны электропоезда. Смотрю в вагонное окно и радуюсь окружающим пейзажам. Вдоль железной дороги тянутся поля, загороженные на горизонте лесами.

Первая большая станция — Рыбное. Высадив и впусив новую партию пассажиров, электричка следует дальше. Граница Рязанской и Московской областей. Луховицы, Голутвин, Воскресенск, Раменское, Люберцы и Казанский вокзал. Прибыли без опоздания.

Уже на вокзале от носильщиков мы услышали страшную новость: ночью ушел из жизни артист театра на Таганке, поэт и исполнитель своих песен Владимир Семенович Высоцкий.

Вся Москва говорила об этом в полголоса. Партийная элита и чиновники игнорировали поэта, постоянно его травили и не давали свободно выступать перед публикой. Несколько позже «Вечерняя Москва» опубликует некролог «Умер артист В.С. Высоцкий», и все.

Похороны Владимира Семеновича превратились во всенародный траур. Позже заслуженная слава пришла к Владимиру Семеновичу. Ему посмертно было присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР». Парт. элита и чинуши начали рассыпать различные блага. Назовут его Великим поэтом и бардом. Немного позже выходит его первая книга «Нерв», так он ее ждал при жизни.

В понедельник с утра на работе в отделе. Материалы все готовы к следующим работам. Сдаем полевые материалы главному специалисту Валерию Давыдовичу Ципорину.

Теперь над ним будут работать наши девочки чертежницы Оля, Ира, Лариса. Наносить результаты съемок на планшеты и вычерчивать их. Затем планшеты будут сданы на РНПЗ в отдел генерального плана.

Владимир Петрович Бойм, начальник ОИТИ, похвалил за своевременное окончание работ и сказал:

— Теперь, ребята, готовьтесь выехать в Пермь. Мы получили новое задание — подготовить 30-километровую трассу бензомазутопровода от Пермьнефтеоргсинтеза до причала на реке Каме. Работу выполнить до нового 1981 года, то есть на работы нам отвели 5 месяцев. Пока вы работали в Рязани, Миша Ставицкий начал работы на новой трассе в Перми.

Я поинтересовался:

— Когда выезд?

Он ответил:

— Чем раньше тем лучше, время не ждет. Думаю дать вам неделю отдыха, и надо будет выезжать. Приближается

осень — зима, работы будут затруднены, а к концу года проект трассы, исполнительную съемку по трассе и саму трассу, вынесенную в натуру, необходимо будет сдать для дальнейших строительных работ.

—Я думаю, — сказал он, — что в начале второй недели августа надо выехать. А пока окажите помощь девочкам-чертежницам в нанесении ситуации с журналов исполнительной съемки на планшеты.

Мы с Сашей занялись составлением авансовых отчетов и отчетов о выполненных работах.

Вся неделя прошла в напряженной работе. Наносили на планшеты, размеры которых были внушительны, 50x100 см, результаты съемок.

К концу недели взяли билеты на фирменный поезд Москва — Пермь.

Едем мы вдвоем, я и Валентин Павлович — руководитель группы. Я перед отъездом был назначен главным инженером комплексной изыскательской партии, начальником которой был Зимогладов Валентин Ильич, хороший специалист, но как выяснилось позже, он предпочитал заниматься хозяйственными делами и мало вникал в специальные вопросы. В тоже время он руководил двумя партиями, Пермской и Нижнекамской. Технические вопросы выполнения работ будут лежать на мне. Одновременно я должен буду работать и как исполнитель.

Старшим по прокладке трассы был назначен Михаил Алексеевич Ставицкий — хороший специалист по крупномасштабным съемкам и прокладыванию подобных трасс.

10

В понедельник 11 августа прибываем к 11:00 (отправление поезда) на Казанский вокзал. Наш поезд отправляется со 2-й платформы. На перроне сутолока, туда-сюда бегают возбужденные люди с вещами, отыскивая свои вагоны. Чинно на тележках носильщики развозят вещи пассажиров.

Вливаемся в общий поток снующей толпы и подходим к своему купейному вагону № 5. здороваемся с проводницей, одновременно знакомимся. Девушку зовут Ирина. Ей 32 года, москвичка. Напарница Таня лет 35, из Рязани. Занимаем свое 4-е купе. У нас два нижних места.

Рюкзаки забрасываем на верхнюю полку, достав заветную бутылочку «Столичной» и «закусон». Какая дорога без «выпивона», «закуси» и дружеской беседы?

Вот вагон уже весь заполнен. Пыхтя, вваливаются опоздавшие мужчина и женщина и начинают с шумом отыскивать свое купе. Оно найдено. Парочка загружает вещи, садится на свои места и затихает.

11:00. Проводница Ирочка просит отъезжающих занять свои места, провожающих выйти из вагона. Первый, второй, третий толчок поезда, и мы покатали в новое суточное путешествие. По коридору прошли проводницы, отбирая у пассажиров проездные билеты и раздавая постельное белье. Сразу со всех сторон понеслись просьбы приготовить и принести чай. Пассажир — едок. Только погрузившись в поезд, он начинает поглощать немислимое количество еды: идут яйца, котлеты, куры. Все это идет под коньячок или под водочку и запивается не одним стаканом чая. Познакомившись с Валентином Павловичем поближе, мы перешли на ты и без отчеств, так как оказалось, он на четыре года старше меня.

С нами ехала пара тоже до Перми, муж и жена, ему 38, ей 32. Мы пригласили их к нашему столу. Они не отказались, и вот мы уже сидим дружной компанией — выпиваем, закусываем

В это время проскакиваем МКАД и врываемся в просторы Подмосковья. Мы едем тем же путем, которым ехали 15 дней назад, только в обратном направлении. Поезд набирает скорость, проезжаем Люберцы, Раменское, Воскресенск, Голутвин.

В этих местах я работал в 1972 году, снимал карьер известняка и прилегающую к нему поверхность в районе деревни Губино. Съемкой занимались на пару с Силоновым Юрой, студентом-заочником Московского топографического техникума.

Голутвин — Коломна. Переезжаем по мосту через реку Оку. Здесь она метров 250. Слева по ходу поезда Коломенский кремль и стрелка Москвы-реки и Оки. Здесь в районе Щуровского цементного завода, будучи старшим инженером Московской изыскательской партии «Оргпроектцемента», я производил съемку карьера известняка и подсчитывал его запасы.

11

Поезд мчит, а мы сидим закусываем и ведем неспешную беседу. Впереди 20 часов езды, так что наговориться успеем.

Алексей и Марина едут в Пермь, сейчас возвращаются после отпуска в Прибалтику, в доме отдыха Дзинтари. В Риге и Юрмале были впервые, и им там очень понравилось. Чистота на улицах, аккуратность у жилых домов. Море, песчаные дюны и сосны оставили у них приятные впечатления.

За окном мелькала Подмосковная, а затем Рязанская равнина с небольшими перелесками, где уже начинали желтеть плакучие березы.

Закончили закусывать, убрали со стола, решили поиграть в преферанс. Валентин достал новую колоду карт, мы подсели к столику и погрузились в игру.

Марина села на свое место, раскрыла томик Есенина, купленный в Москве перед отъездом. Стихи Сергея Александровича вживую накладывались на местность, которую мы проезжали. Эта бескрайняя равнина, необъятные голубые дали, леса, березовые рощи и, конечно, Ока; величаво несущая свои воды к Горькому, к стрелке Ока — Волга.

Подъезжаем к Рязани-2. Уже прошло четыре часа пути, остановка — десять минут. Решили размяться и прогуляться по перрону. Из вагонов высыпали пассажиры и начали покупать все, что предлагалось местными жителями: яблоки, груши, сливы, ягоды, варенье и прочую снедь, которую можно поглотить в пути. Паровозный гудок предвещает об отправлении. Все пассажиры на местах. Даже удивительно, что отставших нет.

Разговорились с Валентином.

Он окончил заочно Московский институт землеустройства. Это рядом с моим МИИГАиКом. Работал в различных регионах Союза — Средняя Азия, Якутия, Дальний Восток. Побывал и за кордоном на Кубе, когда еще служил в армии. Военная карьера не сложилась, да и на гражданке высот особых не достиг. Как он объяснил, из-за сильного пристрастия к «зеленому змию», что вообще нас мужиков губит.

Как выяснилось позже, работник он был хороший,

знающий предмет, умеющий работать с инструментом, вести вычисления и составлять топопланы по результатам полевых работ. То есть выполнять самостоятельно весь комплекс топогеодезических работ.

12

Наступило время ужина. Решили с Валентином пойти в ресторан. Пройдя два вагона, оказались в светлом помещении вагона-ресторана, заполненного посетителями. Официантка, молодая девушка в деловом передничке, отыскала для нас два места. Сели за стол, за которым уже кушали двое молодых людей — Анатолий и Вера, как выяснилось позже.

Взяли меню, выбрали закуски и блюда и стали ждать официантку. Она не заставила себя долго ждать, и вот мы уже поднимаем рюмки с горячительным и выпиваем за знакомство.

Анатолий окончил Вагановское балетное училище в Ленинграде, сейчас танцует в балетной труппе Пермского театра оперы и балета. Вера работает на фабрике «Гознак». Когда мы узнали, что Анатолий учился в Ленинграде, разговор сразу пошел об этом прекрасном городе. Валентин окончил Ленинградское военно-топографическое училище. А я частенько бывал в этом городе в командировках. Вспомнили Невский, Дворцовую площадь, Зимний, Ростральные колонны над Невой, Петроградскую

сторону, где на улице Красных Курсантов учился Валентин, а на Большом проспекте у ресторана «Приморский» в общежитии жил Анатолий.

Вспомнили прогулки по вечернему Ленинграду, особенно в июне-месяце, времени белых ночей. Прекрасное время разведения мостов и проход по Неве судов. Суда шли как-то торжественно, освещенные множеством огней. Одни в сторону Финского залива к Кронштадту и дальше, другие в сторону Ладожского озера.

Горячительное было выпито, заказанные блюда доедены, пора было расходиться. Ребята пошли в свой одиннадцатый вагон, мы — в пятый.

Когда мы пришли в свой вагон и вошли в купе, увидели Марину и Алексея спящими.

— О, как мы припозднились, — сказал Валентин.

Я в ответ кивнул, так как побоялся разбудить спящих.

Стали укладываться спать, Валентин внизу, я наверху, так как уступил свою полку Марине. Я выглянул в окно. В хвосте поезда светила Луна. Она была на западе и словно провожала нас. Наш поезд шел на восток. Мы легли и быстро заснули. Как встретит нас Пермь?

13

Проснулись часов в шесть, быстро встали и пошли умываться. В коридоре было человека четыре, пассажиры тоже собирались умываться. Заняв очередь, пошли в тамбур перекурить.

— До Перми еще езды часа четыре, — сказал Валентин.

— Да, умоемся и успеем перекурить, — сказал я. — Ну и примем наркомовские сто граммов, благо у меня в запасе четвертинка.

Докурив, мы заходим в коридор. Как раз подошла наша очередь умываться. Первым ушел Валентин, я остался в коридоре и смотрел в окно. Куда-то убегали деревья, поля, луга, деревни.

Здесь желтизны на деревьях было значительно больше, чем в Подмосковье. Хвойные зеленые леса сочетались с

желтизною лиственных.

Валентин закончил умываться, и я его сменил.

Умывался я недолго, и вот мы уже стоим в тамбуре и курим.

В то же время нас волновал вопрос, встретит ли нас Валентин Зимоглядов или нет. Если нет, то до общежития на Леонова придется добираться самостоятельно. Это на троллейбусе и с километр пешком. Не стали раскручивать эту тему и пошли в купе.

Убрали постели, сдали постельное белье проводницам и уселись за стол, предварительно заказав по стакану чая. После вчерашней трапезы у нас осталось как раз по паре бутербродов с «Одесской» колбасой и малосольный огурец, наша изыскательская «закусь».

Пригласили к столу Алексея, но он отказался, вероятно «трубы не горели». Не стали упрашивать. Разлили по сто двадцать пять граммов заветной влаги, чокнулись, пожелали доброй работы, выпили и приступили к завтраку. А вот и обещанный чай. Его принесла Ирочка. Допили чай.

В окне мелькнул мост через Каму. Поразил цвет воды в реке — темно-фиолетовый, рассеченный белыми барашками волн. Туда-сюда по реке снуют речные трамвайчики и «Ракеты».

Вот уже наш состав окружили дома и между ними куда-то спешащие люди.

А вот и вокзал. Вглядываемся в лица встречающих. Да вот он, Зимоглядов, начальник партии, и Коля Ваганов, руководитель группы. Он проведен у нас по отделу, как живущий в Москве, но постоянно находится в Перми и Нижнекамске, так как живет здесь.

Мы подхватываем рюкзаки, прощаемся с попутчиками, с проводницами и выходим из вагона. Рукопожатия.

Ребята приехали на «Волге» Николая. Выходим с перрона. Стоянка. Укладываем в багажник вещи, рассаживаемся и — в общежитие.

14

Приезжаем на улицу Леонова, здесь общежитие

Пермнефтеоргсинтеза, головного предприятия по переработке нефти. Нам здесь выделили три комнаты на двенадцать человек, того количества людей, которое необходимо для работы.

Если рабочих не хватит, начальник партии наймет их еще из местных жителей. Некоторые ребята живут в общежитии, а на заводе не работают, так что их можно привлечь на работу к нам. День у нас не нормирован, хорошая пого-

да, трудимся в поле, в непогоду сидим дома, выпиваем, если есть деньги, играем в карты, домино, читаем.

Исполнителей нас пятеро: геолог Александр Федорович, Миша, Валентин, Василий Алексеевич — дед, я и двенадцать рабочих: пятеро постоянных, прибыли с начальником партии из Нижнекамска, остальные набраны в Перми.

Миша прошел пятнадцать километров трассы, то есть половину, установил трубки, на которых придется наблюдать и в дальнейшем снимать двухсот метровую полосу трассы в масштабе 1:5000. Кроме того, необходимо с трубоискателем ТПК-1 отыскать трубопроводы и кабели, согласовать пересечение будущей трассы с организациями-хозяевами.

Начался дождик. Приехал Миша, дед, рабочие. Все собрались в нашей комнате. Ильич достал горячее, закуску, организовался стол. Все расселись, выпивка, разгово-

ры. Причем о работе, о чем еще можно говорить в нашей обстановке.

Шли дожди, трасса раскисла, передвигаться приходилось с большим трудом. Что будет дальше? Но надо делать дело и все работы завершить до Нового Года.

Занялись рассмотрением и перепроектированием трассы, которую выполнил Миша. Ввели кое-какие коррективы, которые облегчили проложение трассы.

Теперь, поскольку рабочий коллектив был в сборе, можно распределить обязанности между исполнителями.

Миша как первопроходчик готовит трассу, рубит визирки, обеспечивая, где необходимо, видимость между точками. В поселке около «Причала» на Каме закладывает труб-

ки, с которых будет производиться съемка. С ним работают Юра Герасимов и Сергей Садов, помогает ему в работе Коля Ваганов.

Валентин с ТПК-1 отыскивает пересекающие трассы трубопроводы и кабели. Если нет возможности отыскать их с ТПК-1, необходимо шурфить. Для этого ему придавались рабочие: — Лядов Алексей, Чазов Сергей и Максимов Николай.

Миша Красноперов работает с дедом и Аркадием на буровой. Миша Пахомов, который во время расчистки трассы от подлеска рубанул топором по ноге, работает с буровиками в качестве подсобного рабочего, чтобы не оформлять больничного листа.

Ильич с Володей Одинцовым и Васей Ширинкиным занимается измерением линий.

Я с Семеном Абдрошидовым и Петей Огарышевым начинаю измерение углов.

Определились с ЗИЛ-ком: кого подвозить в первую очередь, вероятно Мишу, так как ему до «Причала» осталось пятнадцать километров. Это еще дней пятнадцать, если будет благоприятствовать погода. Затем он переходит на измерение линий, как Ильич который собирается в Нижнекамск проверить и наладить там работы. С ним едет Коля Ваганов.

Так за столом решили все вопросы предстоящих работ. В это время вошел шофер Павел и доложил Ильичу, что «полетел» карбюратор. Тот вскочил и побежал доставать нужную деталь, благо в мастерских комбината шли нам навстречу и чем могли, помогали.

Два, три дня простоя, «выпивон» продолжается. Кроме того, пошел мелкий морозящий дождь, ну прямо осенний, — значит надолго.

Автобусом ехать очень неудобно, так как трасса проходит в отдаленных от дороги местах и добираться до нее нагруженными трудновато.

Чтобы не терять времени, Александр Федорович Стариков, главный геолог, дал указания обуивать будущую трассу, особое внимание обратить на места вероятных пересечений с трубопроводами и кабелями.

15

Первое сентября. С утра дождь. Ехать или не ехать на работу? Поехали и не прогадали. Ветер разогнал тучи, выглянуло солнышко, стало веселей, да и заработали значительно активней.

Работали, как и планировали.

Миша, Коля Ваганов и два рабочих меряют линии. Я с тремя рабочими меряем углы, работа кропотливая и очень ответственная.

Миша Ставитский не доволен медленным продвижением. Не доволен, в частности тем, что рабочие долго отыскивают нужные точки и неоправданно медленно ставят вешки для измерения.

Когда он пошел вперед, работа ускорилась. Кроме того, на длинных линиях он выставлял створные точки, что сокращало их вычисление и нанесение на планшет.

Пришел Аркаша, старший бурильщик, и шофер СБУТа, докладывает Ильичу:

— Перевернулись, лежим на боку, бензин течет. Хорошо не загорелось, дед и помбур копают траншею, чтобы ушел бензин. Я — за помощью.

Наши последние километры трассы. С вершины, где забили и окопали трубку, хорошо видна Кама. Река стального цвета. Ее пересекают «Метеоры», «Ракеты» и буксиры, тянущие плоты из бревен. Правее видна Пермь, телевышка, до города километров тридцать, а видимость чудесная; еще правее — нижнемуллинская церковь и сам поселок. С вершины видны закамские леса, темно- и светло-зеленые полосы хвои с желтыми пятнами лиственных деревьев.

На колхозном поле набрали картошки, в парниках огурцов, отобедали и двинулись дальше. За плечом рюкзак килограммов тридцать и теодолит, но двигаемся.

Пересекаем земли совхозов Савинский, Большевик, колхоза России. На колхозах и совхозных полях кипит работа, шефские рабочие убирают картошку, морковь и, как и мы, ловят погоду.

16

Решили найти трактор, чтобы поднять буровую, нужен С-100, ДТ не потянет.

Съездили с Мишей в три места. На кирпичном заводе есть трактор, но нет тракториста, он в отгуле после свадьбы.

В другом месте механик спросил, что за организация и что он будет иметь...

Миша больше разговаривать не стал, поехали домой.

Дома сообщили все Ильичу. Он начал ругаться, собрался и куда-то уехал.

К вечеру приехал злой, но буровую поставил на колеса.

Что это ему стоило, молчит, его дело, ему отчитываться.

Кроме того выяснилось, что погнули штангу и бензопровод.

Опять ремонт, опять затраты и простои.

Миша собирается в поле. Дед с ним. Миша Красноперов с Аркашей едут ремонтировать буровую.

Я еду согласовывать прокладку нашей трассы с войсковой частью, чьи кабели пересекают ее.

Улица Мира. Сажусь в одиннадцатый автобус, доезжаю до стадиона Динамо. Два года назад недалеко отсюда в Городской санэпидстанции проводил согласование насчет переноса части нефтепровода Оса — Пермь. Изыскания проводил Мухин Виктор Павлович — любитель «Бло». На углу улицы Куйбышева сажусь во второй троллейбус и еду в Мотовилинский район в Техническое управление связи магистралей (ТУСМ) к главному инженеру Кокушину Валентину Емельяновичу.

Разгуляй, Мотовилинский мост, цирк, конечная остановка. Улица Техническая, семь — телецентр, здесь расположен ТУСМ.

На УАЗИКЕ едем с Кокулиным на место. Пересечение трубопроводов с кабелями в 1,2 километрах за деревней Стражной установили колышки на местах пересечения

кабелей с трассой трубопроводов и — в управление.

Пишут согласования, технические условия. Все подписано, еду в общежитие.

Второй троллейбус, остановка у Гастронома, поворот налево на Мотовилинский мост — живописный овраг, садовые участки, домики, слева кладбище.

Троллейбус идет по улице Парковой, Большевикской, Пушкина. Далее улица Горького, улица Карла Маркса, Комсомольский проспект, по которому ходят первый троллейбус и пятый автобус, улица Куйбышева. Остановка городской рынок и автовокзал. Отсюда начинается шоссе Космонавтов, остановки — улица Блюхера, Советской Армии, девятого Мая, Больничный городок, Одоевского, Лионова и конечная — Ипподром.

Проезжая Гознак, обратил внимание на термометр.

Температура 18°C, день неплохой. В такую погоду не заниматься согласованиями, а работать в поле.

17

На территории Нефтепермьюргсинтеза отыскивали опорный пункт строительной сети, а на причале пункт триангуляции. Кроме того, в населенном пункте Нижние Муллы отыскивали геодезическую марку в здании церкви, которую использовали при прокладывании теодолитного и нивелирного ходов. Населенный пункт оказался на середине нашей трассы. Так что, привязавшись к марке, мы твердо контролируем наши ходы.

А пока приступили к съемке причала и поселка, прилегающего к нему, в масштабе 1:500.

Дома снимали общим порядком, рисовали абрис ситуации и с точки стояния с теодолитом посылали рейку к углу здания, к одному, к другому, к третьему и, измерив рулеткой расстояния, записывали горизонтальные и вертикальные углы, измеренные инструментом.

Затем производили обмеры домов. Части домов, которых с точек стояния не было видно, снимали с помощью обмеров и замеров от твердых контуров.

Особая трудность была при съемке сараев, так называемых «Шанхаев», они имели самые разнообразные формы. И порой с точки съемочных рейку на земле видеть было невозможно.

Придумали простой способ — конфигурацию сараев снимать по крышам, а высоты точек на земной поверхности снимать домерами от точки стояния рейки.

Миша бегаёт по крышам сараев и ставит рейку на каждом повороте. По земле пойдешь по этому лабиринту и заблудишься.

Поселок и причал мы сняли в предельно короткий срок.

Надо сказать, досаждали собаки, бросались, пытались кусаться; но после того, как Миша пару собак огрел рейкой, нападения на нас прекратились, и собаки ходили, как шелковые.

18

Миша трассировку закончил. Углы поворотов закреплены метровыми трубами и окопаны.

Теперь переходим к проложению теодолитных и нивелирных ходов.

Собрали совещание, чтобы определиться с предстоящими работами, с распределением рабочих по исполнителям.

Собрание открыл начальник партии Зимоглядов. На повестке дня два вопроса: первый — о ходе работ и их

окончании, второй — распределение рабочих по ведущим специалистам.

По первому вопросу Ильич отметил, что работы идут нормально, по графику, но все-таки их следует ускорить и к новому году закончить. Возражений не последовало.

По второму вопросу утвердили то распределение, которое было на не официальном собрании, за дружеским столом. Сейчас надо было все запротоколировать.

Бюрократия и нас заела. В проведении собрания не было необходимости, все ведь тогда решили, и надо выполнять намеченное.

Естественно, стал вопрос о недопустимости промахов по технике безопасности.

Миша, который рубанул топором по ноге, на месяц вышел из строя, хоть как-то работал.

Переворот буровой машины — это ЧП. Хорошо, вытекший бензин не загорелся.

После собрания решили обмыть завершающий этап работы. Уселись за стол и стали ужинать.

Сервировали стол быстро. Колбаска, корейка — запасы еще московские, здесь с этим были проблемы. Четыре бутылки корейской водки, брали в магазине напротив общежития, картошка и огурцы с колхозных полей.

Провозгласили тост за успешное завершение работ.

Выпили, закусили, пошли разговоры о работе, быте. В течение получаса все со стола было сметено. Водочки, конечно, не хватило, но достать ее можно только втридорога в ресторане, водочные магазины уже закрыты. Ильич доволен, завтра с утра свеженькими пойдем на работу.

Чтобы скоротать время до отбоя, решили сыграть в карточки, в переводного дурака. Досуг мы проводили за игрой в карты, домино. Были шахматы, играли в них обычно Александр Федорович и Ильич. Но Ильич сел играть в карты, а Александр Федорович пошел в свою комнату и взялся за чтение.

Я тоже хотел почитать, взял сегодня в библиотеке «Рассказы и повести» Куприна, но картежники уговорили присоединиться к ним, что я и сделал.

Играли до 23 часов. Миша, как всегда, встал раньше и поставил чайник. Вставали нехотя, особенно дед и Гена.

Естественно, им тяжело после недельного запоя. Но надо работать, заканчивать трассу.

Коля, шофер, пошел готовить машину к выезду, Миша и я сервировали стол. Остатки колбасы от вчерашнего «выпивона» и чай. Дружно завтракаем и собираемся в путь.

В 7 часов выходим из общежития. Здесь уже стоят рабочие, ждут нас.

Коля завел машину. Усаживаемся в кузов, на дне которого уложена солома, сидеть не так жестко.

Морозец градусов 12. Немудрено, начало декабря. Пора сворачивать работы.

Мы с Мишей проводим топосъемку переходов трассы через автомобильные дороги в масштабе 1:500.

Надо торопиться — ведь на 5 декабря у нас с Мишей намечается отлет, билеты на руках, вылет в 19:00 на Ту-134. В этот день надо отработать пару переходов, связать наш нивелирный ход с пунктом строительной сетки и нашим пунктом № 3 на ерике.

В 17 часов пришла машина. Дед, Гена, Миша с рабочими уже на трассе. Грузимся и мы. До шоссе едем по грунтовой дороге, тряска жуткая, но мы к ней уже привыкли.

Выезжаем на шоссе, тряска прекратилась.

Заправочная станция. Останавливаемся заправиться, чтобы завтра об этом не думать, а ехать сразу к месту работ.

Ильич уехал в Нижнекамск. Аркаша завтра погонит СБУТ туда же, основная база там.

Завтра же уезжают Александр Федорович, Валентин, дед, Гена. Мы остаемся с Мишей и четырьмя рабочими доделывать трассу. И будем сворачивать работы.

20

Встали в 6 часов. До нашего с Мишей отъезда 13 часов, а сделать необходимо немало. Недоделки расположены в разных частях трассы, так что придется переезжать с одного места на другое. Хорошо Ильич оставил нам ГАЗик.

Шофер Коля отвезет нас в места работы и сам поможет в работе. А после нашего отъезда он сдаст белье, дождетя Ильича, и они погонят машину на основную базу в Нижнекамск. Вместе с ним едет на СБУТе Аркаша.

После окончания сегодняшних работ Коля отвезет нас на аэродром.

А пока все собрались около машины. Грузим два теодолита, меня и Мишу, и нивелир, вешки, рейки, топоры, если надо будет при съемке рубить визирки, чтобы обеспечить видимость.

Наконец все приготовления закончены. Миша садится с шофером в кабину, так как его площадка самая первая, а моя дальше, ближе к причалу. Ребята ложатся в кузове и закуривают, это традиция. Курение прекращается при заезде на автозаправку. Это соблюдается строго. Как раз сейчас этот момент, заезжаем заправляться.

Машин пять на заправке, пятнадцать минут, и мы готовы в дорогу.

Едем по шоссе Пермь — Оса. Проехали километров двадцать, Миша останавливает машину, его объект работы.

Ребята быстро разгружают инструмент, я сажусь в машину, и мы едем дальше по шоссе к Каме мимо Нижних Муллов. Вот и второй не доснятый переход нашей трассы с шоссейной дорогой, который нужно снять. Разгружаем инструмент и приступаем к работе.

Работаем четко, я указываю ребятам точки, куда ставить рейки, они быстро это выполняют.

В журнале съемки рисую абрис и отмечаю точки, на которые ставится рейка. Затем беру отчеты по горизонтальному и вертикальному кругу, делаю отмашку, и реечник переходит на следующую точку. Я в том же порядке работаю со вторым реечником.

Погода хорошая. Морозец градусов десять. Хорошо нет ветра и снега. Работа спорится.

С вершины просматривается Кама. На ней лед, но еще есть промоины. А на противоположном берегу рыбаки удят рыбу.

Заканчиваем работы по съемке перехода, загружаем в машину инструмент, грузимся сами и едем к Мише.

Двадцать минут, и мы на его площадке. Он сидит, курит и, как всегда, ворчит:

— Не могли приехать пораньше.

Я спорить не стал, так как знал, что это бесполезно, он всегда прав.

Решили вернуться назад в Нижние Муллы пообедать.

Комплексные обеды — щи, котлеты с картошкой, компот из сухофруктов — 60 копеек.

Поговорили с официанткой, татарочкой Розой, спросили: не скучно ли жить в Нижних Муллах?

Она говорит:

— А чего скучать, дом культуры, там кино, танцы. Из Перми приезжают артисты, спектакли, концерты ставят. Так что скучать некогда.

Тринадцать часов, пара ехать к заводу, там связать нивелированный пункт строительной сетки и наш репер № 3 у ерика.

Надо было проложить нивелирный ход 800-метровой длины за два-три часа. Полчаса езды к месту работы, так что к часам к шестнадцати мы все закончим.

Возвращаемся к заводу отыскиваем пункт строительной сетки, ставим наш нивелир и приступаем к работе. Ребята быстро перемещаются от точки к точке, я снимаю отчеты: задняя, передняя, черная красная. Миша записы-

вает отчеты в журнал, производит контроль по пяткам, постраничный. Работа спорится. Вот он ерик и наш репер № 3. Привязались, работы закончены. Грузимся в машину и в общежитие на Леонова. Немного отдохнуть и собираться в путь. Выезд в 17:00. Вещи собраны и уложены в рюкзаки. Инструмент заберет Ильич и на машине отвезет на основную базу в Нижнекамск.

Вот и все, закончена наша Пермская эпопея с прокладыванием трассы бензомазутопровода. Пять месяцев мы затратили на полевые работы. Теперь остались камеральные работы по вычислению координат и высот точек, вычерчивание планшетов, копирование и размножение листов. На этом наша миссия заканчивается, дальше над трассой будут работать главные инженеры проекта. Это будущее, а сейчас мы едем в аэропорт.

Простились с ребятами, возможно, видимся в последний раз, больше наши дороги не пересекутся. Спасибо Вам, ребята, за хорошую работу, благодаря Вам, вашей сноровке и отличной работе мы смогли вовремя закончить полевые работы.

21

Николай заводит мотор, садимся в машину, Миша в кабину, я в кузов. Шеф подает три традиционных гудка, и трогаемся с места. Поехали...

Со двора общежития выезжаем на улицу Леонова и по ней едем до улицы Мира. Справа — ипподром, куда мы

ходили на скачки, и Центральный парк культуры и отдыха, в котором мы с Мишей как-то здорова отдохнули, набравшись «Вермута» (100 грамм — 33 копейки).

Проезжаем Промышленную улицу, по которой ходит трамвай, на котором мы ездили на работу, когда у нас была сломана машина. Это было не совсем удобно, так как до места работ приходилось добираться, неся инструмент и снаряжения на себе.

Вновь едем по шоссе Космонавтов, пересекаем речку Мулянку и на западе оставляем Верхние Муллы, один из районов горда. Проскакиваем Песьянку, Ванюки, Каганово; доезжаем до Култаево, поворот на север и въезд в аэропорт. Оставляем Николая, берем рюкзаки и идем на регистрацию. Народа немного, процедура заняла пятнадцать минут. Рюкзаки весят менее двадцати килограмм, берем из в салон самолета, тем более, что у Миши в рюкзаке чет-вертинка на дорогу.

Объявляют посадку, подходим к автобусу, садимся, и он везет нас к нашему Ту-134, который уже готов к взлету. Заходим в салон самолета, отыскиваем и занимаем свои места, я — у окна. Подул сильный западный ветер, пошел

снег, полет должен быть интересным. Пассажиры расселись по местам. Объявили взлет, первая посадка в Казани.

22

Убрали трап, заработали двигатели, и самолет начал разбег. С большой скоростью убегают назад здания аэро-

самолеты, стоящие на аэродроме, близлежащие деревни. Самолет плавно набирает высоту.

А стихия, словно сбесилась, шквальный ветер налетает на самолет, пытаясь его опрокинуть. Днищем он как будто едет по булыжной дороге, самолет раскачивает и бросает из стороны в сторону.

Ужином нас не кормили, но принесли соки — томатный, яблочный, абрикосовый. Мы с Мишей взяли по яблочному, достали четвертинку, выпили и запили соком. Встали и пошли в туалет покурить. Только вернулись на места, как объявили посадку в аэропорту Казани. Остановка тридцать минут. Самолет дозаправляется. Недолго думаем, бежим в буфет, благо это рядом, принимаем сто граммов и возвращаемся.

Объявлена посадка, пассажиры занимают свои места.

Самолет вырывается на взлетную полосу. Взлет и вперед к Москве. Шестьсот километров — час полета. Вторая половина полета проходила спокойно, снег кончился, ветер тоже.

Время — двадцать один час тридцать минут. Впереди замаячили огни большого города. Это Москва. Наконец-то мы прибыли из пятимесячного «путешествия». Самолет заходит на посадку в аэропорт Домодедово. Касается земли. Мы дома, на Московской земле.

Берем рюкзаки и выходим из самолета. Он остановился в двухстах метров от аэровокзала. Проходим его, народа — тьма. Куда-то люди летят, спешат. Что их ведет? У каждого свое...

Подходим к железнодорожной станции. На путях стоит электричка, которая отходит в двадцать два часа тридцать

минут. Берем билеты, усаживаемся в вагон и готовимся в часовой поездке в столицу. Постепенно электричка заполнилась людьми и отправляется. За окном тьма, ничего не видно, только огни городов, поселков, деревень, которые проскакиваем. Кое-где электропоезд останавливается.

Время позднее, так что мало кто едет в Москву.

Устраиваемся поудобнее и начинаем дремать. Но вот уже проскочили МКАД, по ней в ту и другую сторону на большой скорости мчат автомобили, в основном грузовые.

Еще двадцать минут, и мы на Павелецком вокзале.

Вот и приехали, спускаемся в тоннель метро. Мне по кольцу до Киевской и далее до Молодежной, а потом еще 127-м автобусом — до дома. Мише — на Нагорную улицу.

До Добрынинской едем вместе, дальше ему — на автобус. Прощаемся до понедельника, так как встречаемся в отделе.

Начался новый день — шестое декабря. Подъезжаю на автобусе к Советской улице и — домой.

Звоню, открывают не сразу, вероятно спят.

«Кто там?» — раздается голос Наташи. Отзываюсь.

Открывает. Объятия, поцелуи. Из комнаты выбежала Надюшка, кажется, подросла.

Переодеваюсь, иду в душ, небольшой перекус...

И отбой...

1981, 2009 гг.,
Пермь, Москва

Мгновения

Вечерний гость

Вечер. Клеим с Натальей обои в квартире № 1 по

Обводному, семь, звонок в дверь. Открываю.

Входит Виктор Михайлович, голый по пояс в черных сатиновых шароварах. В прихожей тусклая лампочка.

Михалыч встает на табуретку и смотрит на меня свысока.

«Михалыч, ты что, помогать пришел?»

«Нет, на тебя посмотреть, соскучился...»

Действительно, давно с ним не гуляли, а как-то раз виделись накоротке.

Наталья смотрит на нас в недоумении...

Но вот образ Михалыча тускнеет, и он исчезает.

Просыпаюсь, бросаюсь к прикроватной тумбочке, отыскиваю эту тетрадь. Записываю первый сон.

С Михалычем надо повидаться. Вероятно, скучает...

Встреча

Вечерняя прогулка с группой поддержки. Выхожу чуть раньше. «Я иду аллею знакомой»...

С Набережной Исторического центра спускаюсь в овраг «Керосинки», поднимаюсь в школьную горку.

Прохожу парком к дому 37. Захожу за дом с северной стороны. На лавочке детской площадки сидит Михалыч. В полном здравии, правда, в легком подпитии. Определил по запаху.

Идем мимо стадиона к речке. По берегу шествует группа поддержки. Знакомлю с Михалычем. Идем к межевому столбу № 2 — месту нашего разворота. Михалыч отстал на Рублевской улице. Простились дружелюбно, что нам делить, он — сама доброта.

Заканчивается время вечернего моциона, расходимся...

7.06.2009 г.,

Рублево

Туристка

Она живет на 2-й Новорублевской, вероятно, одна.

Ходит в одном и том же синем платье, таком задрипанном и грязном, что просто не по себе. Волосы она не чесала уже с полгода, если не больше.

Когда я проходил мимо нее и здоровался с ней, она очень приветливо отвечала и улыбалась вслед.

Несколько позже я увидел ее, сидящей на одном из первых мест автобуса № 127.

В следующий раз я увидел ее в автобусе опять. Она возвращалась со стороны Молодежной.

Я подсел к ней, и мы разговорились. «Люблю кататься на автобусах... — сказала она. — Проезд бесплатный. Раз

пять прокачусь туда сюда, вот день и прошел, а так, что делать дома одной».

Позже я увидел ее перекусывающей на конечной остановке. Вот так она и живет в автобусах и на остановках. Узнал я, не помню от кого, что у нее два сына, живущие отдельно. Почему не берут ее к себе, не знаю. Вероятно, это тема следующего рассказа.

13.06.2009 г.,

Рублево

Этюд

Сентябрь. Балтика. Идем близ воды, оставляя на песке следы. Море темное, по нему бегут белые барашки волн.

Сосны в песчаных дюнах раскачиваются под дуновением западного ветра.

Прошли. Майори. Вот и Дзинтари. Останавливаемся у скамеечки, присаживаемся, достаем 250-граммовую бутылочку коньяка и шоколадку Lisma, названную, вероятно, почти в честь тебя. Не хватает буквы «е». В раздвижной охотничий стаканчик наливаем светло-коричневую жидкость. «За тебя, Lisma, спасибо, что ты есть и меня не забыла. Dzersiem!»
Выпиваем, закусываем шоколадкой. Оглядываем морские дали. Вот она бесконечность...
Начал моросить дождик. Поднимаем воротники плащей, но это не спасает. У тебя косыночка, покрываешь голову...

Дождь усилился, море разволновалось.
Бежим в дюны под сосны, они немного укрывают от дождя.
Захлодало...
Срываемся с места и бежим к станции Дзинтари. А вот и электричка. Наша небольшая прогулка завершена, едем в Ригу. Тебе на Ленина, мне на Калнциему. Провожая тебя до дома и на трамвае № 2 еду в Задвинье.
Сумерки...
Сажу в своей комнате и просматриваю фильм прошедшего дня. Что-то так, а что-то не так, а вот уловить это что-то не могу. И хорошо, и грустно.
Дождь барабанит по оконному стеклу, отбивая ритм...
*Идем по кромке
Балтики бурлящей
День настоящий
И ненастоящий.
Ударили с тобой
По стопке,
Друг мой,
Да и домой.
Развеялись?
И глухнем от волны,
Навеявшей ушедшие вдаль сны...
К тебе прильнул
И в наше прошлое нырнул...*
20.06.2009 г.,
Звенигород

Восход
Вот, вот взойдет Солнце. Оно освещает из-за горизонта перистые облака, которые под лучами светила, заиграли розовым цветом. Между облаками проглядывается синь неба. Оно, словно морская вода, залило окружающее пространство. Картина великолепна... Вдали розовые континенты, а вокруг акватория Мирового океана. Но вот солнце взошло, и вся картина изменилась. Розовые облака превратились сначала в белые, а затем в серые. А выше образовалась темная туча. Синь заголубела.
*И яркое желтое Солнце
Заглядывает в мое окно.
Малярит бойко
Утреннее Солнце,
Синь голубеет,
В золоте дома
И смотрит осторожно
С моего двора
В окно вселенной
Белая березка.*
27.6.6.2009 г.
Рублево
Рассвет
Проснулся в четыре часа тридцать минут, спать не хочет-

ся, вероятно, выпался, так как спал восемь часов.
Обычно сплю четыре-пять часов ночью и один час днем.

Уже начинает светать. Картина рассвета — размытые акварельные краски.
Слой ближайший к горизонту, бледно-розовый. Следующий слой водянистая синева, переходящая в грязно-голубой цвет.

Если бы был художником, так бы и изобразил эти слои.
А ведь каждый человек — художник, все наша лень не дает стать им. А надо не бояться трудностей и рисовать, рисовать, рисовать.

Ведь в детстве мы все очень много рисовали. Рисовал я, рисовали другие, рисовала Людмила, а сейчас у нас главный художник — Маняша...

Прошли двадцать минут и краски стали более четкими, и ощущается более четкое деление между ними. Переходы из одной краски в другую заметны слабо, они постепенны и красок больше указанных трех.

Рассвет идет

Чуть слышными шагами

Поселку улыбается Рублевский лес.

Помчались птицы в голубые дали,

Их крики сыплются с высот небес.

Природа просыпается, ликуя,

Округе всей рассвет даря

Сейчас у нас середина ведь июля,

А не конец, простите, января.

18.07.2010 г.,

Рублево

Рублевка

В восемь часов поехал на станцию метро Славянский бульвар в надежде встретить Сережу Павлова, которого давно не видел. Но его нет. Может быть, бегаёт в Лужниках, уехал на дачу или на юга.

Сажусь на скамейку у западного выхода в метро.

Солнышко пригревает здорово. Снял рубашку, загораю.

Набираю номер телефона Натальи Львовны, отвечает...

Я — ей:

Наталья Львовна! С Днем Рождения!

Здоровья, Счастья, много Лет!

Не прекращайте восхождения

К звезде, дающей несказанный свет!

Я спросил ее, когда она будет на работе.

— Я в отпуске, буду в сентябре, — ответила она.

Конфеты «Вдохновенье», которые я ей хотел подарить, действительно до ноября, так что они ее дождутся. А вино дарить не буду. Трезвость — норма жизни.

На перекрестке трех дорог

Стою порой, как витязь на распутье.

На придорожном камне пара строк:

«Путь выбирая, путник, ТРЕЗВЫМ БУДЬТЕ!»

Выхожу на Рублевку, налево (в метрах трехстах) ее пересечение с Кутузовским проспектом. Здесь когда-то стояли здание МОГЭСА у деревни Давыдково, на Можайском шоссе, оно уже так называлось в XIX веке.

Перехожу мост через Белорусскую железную дорогу. На запад метрах в восьмистах виднеется станция Кунцево.

Когда-то проезжал со Звенигорода, выходил здесь и шел вниз к станции метро Кунцевская, доезжал до Молодежной, далее автобус 127-й и домой.

Дошел до пересечения Рублевки с Костанаевской улицей. В шестидесятых годах прошлого века здесь работала

участковым врачом моя сестра Маргарита и бегала вверх и вниз по первым здесь пятиэтажкам. Они стоят до сих пор, но закрыты высотными домами и деревьями, которые стали чуть выше их крыш. Высота их сейчас 20–25 метров. Делаю правый поворот, и еще раз, и я на станции метро «Кунцевская». А вот и поезд, еду до «Крыла», выхожу на воздух через южный вход-выход. И иду на остановку автобусов 127-го, 129-го, 251-го, 626-го. Подходит 251-й, еду до остановки у «Чазовского дома», перехожу на остановку ЦКБ — центральная кремлевская больница, а вот и мой, 127-й, сажусь, еду домой...

Закончен новый

Мой «круиз»

Жара стоит,

Я не заkis,

А прибыл вовремя домой

В дом свой,

Родной.

18.07.2010 г.,

Рублево

Коммуналка

Живу в коммунальной квартире. Квартира трехкомнатная, у меня комната, у соседей две. Их четверо и все девчонки — мал мала меньше.

Бабушка — ей под шестьдесят, маме тридцать с хвостиком и две девчонки, шестнадцати и десяти лет. И еще кот Васька — разношерстный русский богатырь.

Живем дружно, не ссоримся, когда встречаемся, поздравляемся и по своим углам, по своим делам.

Мама-молодец, пашет и кормит всю семью. Девочки учатся в школе. Бабуля занимается с девочками, особенно с младшей — Машей.

Смотрит, чтобы дедушка-сосед ни-ни, ничего не дал, ничего не взял.

А мне что? Мне только покой и нужен; мне ведь уже за семьдесят, так что сиди, лежи, пиши, читай.

Соседи не шумливые, ну бывает конечно, иногда поскандалят, что бывает очень редко. Все из-за старшей девочки. То «Эмкой» нарядится, то черной кошечкой и мяукает, это она уже котов созывает. А сама целыми днями за компьютером, все кресло просидела.

Ну вот вроде и все, что можно написать о нашем житье бытѐе. По-моему, обижаться на жизнь и на соседей нельзя.

8.10.2010 г.,

Рублево